

A man and a woman are standing in a snowy, urban environment in front of a brick building with arched windows. The woman, on the left, has long blonde hair and is wearing a bright green puffer jacket, blue jeans, green sneakers, a black beanie with cat ears, and a red Santa hat. She is holding a smartphone up to take a selfie. The man, on the right, has short brown hair and is wearing a dark overcoat over a grey suit and a light blue shirt. He is holding a brown folder or book. Snow is falling around them, and a warm street lamp is visible in the background.

Снос под
Новый год

Елизавета Мальчикова

18+

Елизавета Мальчикова

Снос под Новый год

<https://litres.ru/74265358>

SelfPub; 2026

Аннотация

Популярная блогер-инфлюенсер- Нинель, натывается на пост, в котором старинному заброшенному архетиктурному зданию восемнадцетого века грозит снос, она берётся за две недели до Нового года превратить не действующий вокзал в главное охраняемое место города. Чтобы собрать подписи трёх высокопоставленных господ городского департамента. Главный противник - сын вице-мэра по развитию территорий, который планирует снести здание ради стеклянного ТРЦ, но именно его подпись станет самой важной для проекта Нины.

Содержание

Петиция.	4
Крейзи блогер.	12
Арт-объект-багажные тележки.	30
Печенье в форме ёлочки.	34
Т	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Елизавета Мальчикова

Снос под Новый год

Петиция.

Пушистые снежинки оседают на салатном пуховике тяжёлой шапкой. Под ногами свежий снег приятно скрипит, утренний морозный воздух острый, от которого щиплет щёки, а изо рта идёт пар.

Кончики пальцев чуть покалывает, хотелось растереть ладони, но мне сейчас не до этого, потому что под навесом уже собралась приличная очередь бездомных.

Я поеживаюсь, поправляю шапку с кошачьими ушками и ставлю на складной пластиковый стол железную тарелку дымящегося супа.

— Ой, спасибо, дочка, — седой мужчина неопределённого возраста в лохмотьях забирает еду и хитро подмигивает мне.

— Пожалуйста, Володя. Но учтите: в следующий раз я расскажу Смайли, что вы подошли уже по второму кругу.

Мужчина заговорщически улыбается и шаркающей походкой скрывается в своем временном убежище из старых одеял.

Смайли со своей командой оперативно расставили по парку пластиковые столы и стулья, но Володя не любит компании. Я наблюдаю за ним давно и почти уверена: на улице он оказался не по своей воле.

— Нина! Приём!

Недовольный голос Ксени - моей подруги и по совместительству контент - мейкера вырывает меня из раздумий.

— Ну что там? — спрашиваю я, передавая очередную порцию ужина.

— Говорю, этот бомжара загораживает мне классный кадр, а мне нужно сегодня отправить бренду фотки.

Я закатываю глаза:

— Его зовут Володя.

— Фиолетово. А теперь будь лапочкой, встань чуть левее.

Я делаю шаг в сторону и улыбаюсь так, будто это самая модная локация города, будто все эти люди пришли на нишевую встречу.

Внутри разжигается дикий костёр, однако, я пошла на это, потому что бренд пообещал осветить проблему бездомных, поэтому сглатываю ком гнева, и продолжаю заниматься своим делом.

Лживо, но да ладно, это просто кадр... Кадр, который, возможно спасёт чью-то жизнь.

Невольно вспоминаю отца. Что сделали инвесторы, когда мой отец погиб, строя их суперсовременное здание торгового центра? Подали на маму в суд, когда она отказалась брать их треклятую компенсацию. Триста тысяч рублей. По их мнению, триста тысяч - достойная плата за смерть человека, который был для меня всем.

Злая дрожь охватывает руки. Железная тарелка предательски выскальзывает из пальцев и с грохотом падает на столешницу. Картофельная жижа расплескивается во все стороны; несколько капель попадают на новомодный пуховик с водоотталкивающей мембраной. И вот неожиданность - мембрана оказывается не такой уж непромокаемой.

— Извини, Клара, сейчас налью другую, — женщина в тонком плаще, явно не первой свежести, умоляюще кивает.

Я быстро стираю лужу бумажными полотенцами и отдаю Кларе обещанный завтрак.

— Ну, ты и растяпа! — хихикает Ксения.

— Ты успела снять хоть что-то?

Подруга рывком снимает камеру со штатива, в два шага оказывается рядом и протягивает телефон:

— Вот смотри.

Я беру её яблоко в руки и пролистываю кадры, всматриваясь в девушку, которая совсем на меня не похожа.

О боже, ну у меня и гримаса!

Я выгляжу как пятиклассница: пробившиеся из-под шапки волосы намokли от снега, огромный оверсайз пуховик, широкие джинсы, массивные кроссовки.

— И почему бренды до сих пор со мной сотрудничают...
— выпаливаю я вслух.

— Потому что у тебя хороший менеджер, — не раздумывая отвечает Ксения и улыбается белозубой голливудской улыбкой.

— Отправь третью и последнюю, — говорю я и протягиваю ей телефон. Раздается сигнал уведомления.

Краем глаза успеваю разглядеть всплывающее окно: **СРОЧНО! ПРОСИМ ОТКЛИКНУТЬСЯ ВСЕХ КРУПНЫХ БЛОГЕРОВ.**

— Ну-ка, ну-ка, — я открываю сообщение и читаю пост: «Срочно! Просим откликнуться всех крупных блогеров! Историческое здание вокзала под угрозой! Нужно ваше внимание, осталось всего две недели...»

Вдруг телефон начинает вибрировать, и я не успеваю дочитать - подруга-менеджер выхватывает свой айфон из моих рук.

Я достаю старенький Нопог, вбиваю в Яндекс запрос: петиция. Историческое здание вокзала. Нажимаю «найти», и через секунду передо мной открывается столбец ответов. Рекламные заголовки сливаются в одно пятно. Ага, вот оно.

«Городские власти выставили на торги участок вместе с пустующим вокзалом, здание которого построено в конце восемнадцатого века... Инвестор найден».

Петиция гласила: «Чтобы остановить процесс, нужно признать вокзал объектом культурного наследия местного значения. По закону требуется согласие профильной комиссии - троих высокопоставленных господ.

Просим всех увидевших срочно подписать». Ниже приписка: «Сохраним культурные объекты!»

В моей квартире до сих пор висит старый архитектурный указатель с этого вокзала. Я помню, что когда мне было года три или четыре отец с матерью прогуливались неподалеку накануне Нового года. Мне не спалось на маминых руках, а молодым родителям хотелось хоть полчаса провести вне дома - погода стояла изумительная. Тогда отец взобрался на фонарный столб и сорвал один из нескольких металлических знаков. Этот безрассудный поступок настолько рассмешил меня, что я в ту же секунду перестала плакать, заливаясь громким смехом.

Воспоминание рассеивается, и я оказываюсь в реально-

сти, где скопилось огромная очередь бедолаг, просящих свой завтрак.

Домой я возвращаюсь за полночь, на последнем автобусе. Устало падаю на кровать - не раздеваясь и даже не умываясь. К черту ваш пятиступенчатый уход!

Я ворочаюсь с боку на бок, но сна нет ни в одном глазу. Мысли снова и снова возвращаются к петиции, а взгляд невольно падает на старый указатель, висящий над мой кроватью.

Отец хотел бы, чтобы я за это взялась. Я почти слышу его голос: «Кирпичи - это не просто материал, дочь. Кирпич - он как лестница. Если выложить всё правильно, она получится крепкой и надежной, откроет тебе любые двери в жизни. А если класть их абы как, без расстановки и смысла, то лестница станет шаткой и хрупкой».

Он и был тем самым крепким, надежным кирпичиком.

Беру телефон в руки и жмурюсь от яркого света экрана.

Пальцы сами стучат по стеклу:

«Буквально несколько часов назад я узнала, что городские власти выставили на торги участок вместе с пустующим вокзалом. Зданию больше двухсот лет. Для меня это дичайшая боль, потому что мои родные жили неподалеку, в старых пятиэтажках у путей. И самое горькое - инвестор уже готов вбивать сваи. (Как же хочется написать фамилию этого застройщика прямо здесь, но, увы, он действует анонимно...) Чтобы остановить процесс, нужно признать здание объектом культурного наследия местного значения. И я сделаю всё, что в моих силах. Добьюсь признания любой ценой! Пишите ответные посты с [#СохранимТочкуОтправления](#). Вместе мы сила!»

Я даже не перечитываю пост. Всё моё существо кипит от злости, поэтому я просто забрасываю телефон под подушку.

Если за четырнадцать дней до Нового года я не соберу нужные документы, вокзал исчезнет навсегда. А следом за ним рассыплется в пыль и мои воспоминания. Глаза закрываются сами собой, и сквозь полудрему я слышу, как начинают сыпаться множественные уведомления.

Крейзи блогер.

— Ты совсем повернутая, а? — Свирепый голос подруги раздаётся в трубке телефона.

— И тебе доброе утро. — Сонно бормочу я.

— Ты обдолбалась? Мой телефон звонит без остановки, а на твоём посте уже больше миллиона просмотров за ночь, Нина, за ночь!

— Кто, говоришь, тебе звонил? — я встаю с кровати и быстро иду на кухню.

— Я не говорила кто! — Каждый её частый вдох пропитан яростью. Я слышу, как она нервно стучит по клавиатуре ноутбука.

— Будь зайкой, скажи. — Моя огромная кружка наполняется чёрной жижей, и я делаю смачный укус очень вредного и калорийного бутерброда, но я могу себе это позволить, потому что возможно, это моя единственная еда, которая сегодня окажется в моём желудке.

— Нина, ты, правда, не понимаешь? То, что ты там настрочила, уже обсудили в роликах все кому не лень. Мне звонила пресса... - Голос подруги судорожно обрывается на полуслове.

Проходит мучительная минута, и я отвечаю:

— Нам это и нужно. Да, мне нужна огласка, мне нужна поддержка прессы, и да мне всё это просто необходимо, потому что я всерьёз займусь вокзалом.

— Ну, ты и крейзи! — Выпаливает подруга.

— Я знаю, а теперь соберись и делай свою долбанную работу менеджера.

Я отключаюсь, и полная решимости доедаю свой огромный бутерброд.

Какое-то время спустя мне приходит сообщение от Ксени:

"Через час встреча с главой департамента культуры (богемная дама).

Пы. Сы: Не доведи до суда, делай всё аккуратно!"

Богемная дама значит, - думаю я, да я её раскушу одним махом - как орешек.

Такси останавливается у комплекса зданий городской администрации. Фасад типичный для советской или постсоветской эпохи: массивный, серый, облицованный плиткой, которая местами уже пошла трещинами.

Я захожу внутрь. Из застекленной будки меня осматривает грузный охранник.

— Фамилия? — коротко бросает он.

— Здравствуйте, Нинель, я вас сразу узнала, — раздается вдруг мелодичный голос. — Пройдемте, Галина Александровна уже ждет.

Охранник косится на девушку в идеально скроенном белом костюме, посмеившую так легко посягнуть на его авторитет.

Я киваю и расстегиваю пальто, оставаясь в бордовом

брючном костюме. Ткань сидит безупречно благодаря утреннему отпариванию. Из-под штанины палаццо виднеется лишь узкий мысок казаков.

В одной руке девушка держит бумажный стаканчик, от которого исходит приятный аромат кофе, а другую протягивает вперед, чуть сгибая в локте, явно ожидая мою верхнюю одежду. Я молча кладу пальто ей на руку и читаю имя на бейдже: Анастасия. Секретарь.

Анастасия провожает меня до тяжелой двери и деликатно стучит. Дверь открывается, я захожу внутрь. Женщина средних лет откидывается в кресле и зажимает заушник модных очков зубами. В лучах солнца, пробивающихся сквозь окно, заблестела её чёрная шёлковая блуза, а первые морщинки скрывает шейный платок в тон из последней коллекции бренда с логотипом кареты, запряжённой лошадью. Запястье украшает винтажный, женственный браслет.

— Заходите, блогер Нинель. — Женщина сдержанно улыбнулась.

Я сажусь на стул напротив. Она выжидающе смотрит, не говоря ни слова.

— Как вам уже известно, я веду блог с многомиллионной аудиторией, и сейчас мой главный проект...

Она резко перебивает: — Всю эту чепуху про вокзал мне уже рассказала ваш менеджер. Чего вы хотите конкретно от меня?

— Я хочу, чтобы вы признали здание объектом культурного наследия местного значения. По закону требуется согласие профильной комиссии. Одна из подписей должна быть вашей. — Говорю быстро, но четко.

— Ха! Деточка, на каком основании? Вы не предоставили ни фотографий, ни собрали архивы. У вас ровным счётом ничего! И вообще, две недели до Нового года...

Ну да, думаю я, наверное, уже прикупила себе горячие пухлячки.

Но она всё ещё здесь, и это мой шанс.

— Вы работаете в историческом здании. Сколько вы занимаете этот пост? Лет двадцать? Неужели вы никогда не замечали лепнину под потолком, декоративную покраску стен? Неужели ваши сотрудники никогда не находили здесь старинные вещи тех, кто работал тут задолго до вас? Неужели вы готовы заменить всё это достояние на очередной захуда-

лый торговый центр?

— Поймите, я бы рада вам помочь, но для подписи ваши слова ничего не значат.

От внезапно нахлынувших эмоций я до боли сжимаю ткань собственных брюк.

— Свидетельствами и архивами занимается мой менеджер, а сюда я пришла, чтобы вызвать у вас хоть каплю уважения к культурному наследию!

Слишком бурная реакция. Мне конец...

Галина Александровна медленно надевает очки на переносицу и тяжело вздыхает:

— Да... Нашим бы сотрудникам такой пыл... Знаешь, а может, и не всё потеряно. Если устроишь перформанс прямо внутри здания. — Её губы кривятся в насмешливой ухмылке. Поиздеваться решила.

— У меня есть одна задумка. — По сознанию ударила молния, и в моей голове выстроился безумный план.

— Да неужели?

— Я организую иммерсивную выставку современного искусства. Используем старые багажные тележки как арт-объекты. А вы получите свои упоминания в глянце. Представьте

заголовок: «Глава департамента культуры спасает историю города». Там будет пресса со всей округи. Вы обязательно должны присутствовать лично.

От слова «пресса» её лицо вспыхнуло любопытством, но она быстро взяла себя в руки, и её взгляд потеплел, становясь деловитым. — Я подумаю.

Одна маленькая фраза, но такая огромная победа у меня в кармане.

Женщина поправляет удлинённую чёлку с прямым пробором, и переводит взгляд на монитор, показывая, что разговор окончен.

Что ж, и на том спасибо.

Я поднимаюсь со стула и тянусь к ручке двери, но позади снова раздается голос Галины Александровны:

— Финансирования не ждите. Денег в нынешних реалиях у города нет.

Ну, естественно!

Я молча киваю и выхожу из кабинета.

Гордая собой, на ходу надеваю пальто и решаю пройтись пешком - меня бросает в жар от адреналина. Получилось! Быстро набрав номер подруги, я слушаю долгие гудки. Наконец, после третьего она берет трубку.

— Только не говори мне, что тебе удалось, — слышится её озорной голосок.

— Она у меня на крючке!

— Твой отец тобой бы гордился. — Внезапно игривый тон Ксени меняется на серьезный. Проходит минута. Я сглатываю горький ком, подступивший к горлу.

— Мы ещё только в начале пути. Нужно организовать прямо на территории вокзала иммерсивную выставку. Попробуй найти старые багажные тележки.

— Денег, я так понимаю, у артистических натур нет.

— Деньги есть у меня...

— Я как твой менеджер предупреждаю: мы пока не знаем, какотреагируют другие высокопоставленные личности. Возможно... деньги понадобятся на адвоката. — Голос подруги становится жестким.

— Разберёмся... — говорю я.

— Раз уж ввязались, — подхватывает подруга.

До уха доносится уведомление. Я читаю короткое СМС от Смайли: «Придёшь сегодня?»

— Что ж, подруга, мне нужно в «столовую». У нас есть что-нибудь по планам? — Спрашиваю я, попутно вызывая такси через приложение.

— М-м-м... Нет, ты не нужна. Завтра попробую снова дозвониться до наших господ, и нарыть весомую доказательную базу.

— Хорошо.

Такси подъезжает через три минуты. По дороге я смотрю в окно на серые фасады центра, пытаюсь осознать масштаб того, во что только что вляпалась.

«Отец бы тобой гордился», — всплывают в памяти слова подруги.

Как бы я хотела вновь увидеть его лицо...

Машина останавливается у парка. Наши с водителем взгляды встречаются в зеркале заднего вида.

— Нинель, это вы?

Я быстро открываю дверцу и выхожу на мороз.

— Я... Я...

Моя одушевленность от встречи с Галиной Александров-ной испаряется в один миг. Потому что я вижу горстку бездомных, собравшихся на очередной ужин под пластиковыми навесами.

«Ты кормишь бомжей ради лайков».

«Лживая сучка раздает жижу из картошки, а сама щеголяет в брендах»...

И еще сотню разных колких комментариев я прокручивала в голове десятки раз. Но мне становится так тепло на душе, когда Володя пытается отвлечь меня болтовней, чтобы втиснуться в очередь во второй раз, или Клара начинает

улыбаться своей беззубой улыбкой. Не они расцветают, когда я рядом с ними. Это мне снова хочется жить, когда они счастливы.

Неожиданно я натываюсь на чье-то твердое плечо. Тело ведет чуть в сторону, каблуки опасно балансируют на заснеженной плитке. Я уже чувствую, как ноги теряют опору, но в эту секунду сильная рука перехватывает меня за талию.

— Извините, вы целы?

Мой взгляд цепляется за серьезные орехово-карие глаза, и я мгновенно тону в них.

— Всё хорошо, — всё, что удастся выдавить моему опьяненному внезапной близостью разуму.

Мы молчим.

Лёгкие снежинки садятся на плечи шатена. Они не спешили таять, а лежали, прозрачные и хрупкие.

Проходит мгновение, другое.

Кажется, минуты растянулись в часы, и до меня доходит: я всё ещё стою в объятиях незнакомого мужчины. Ноги, наконец, находят опору. Незнакомец медленно убирает руку

с моей талии. Его пальто распахнуто, виднеется спортивное коричневое поло крупной вязки. Короткую стрижку уже припорошило снежинками. Я понимаю, что нагло рассматриваю каждую черточку его смуглого лица, и неловко отворачиваюсь.

— Спасибо, — хрипит мой голос.

— Пожалуйста, — спокойно отзывается шатен.

Я киваю и быстро иду наобум. Останавливаюсь только через пару минут, осматриваюсь и понимаю, что пошла не в ту сторону. Вот идиотка! Наконец, ватные ноги вспоминают нужный маршрут, и я чувствую, как пылают щеки румянцем.

Смайли уже расставил тарелки. Я встаю за стол и хватаю половник.

— О, сегодня у нас пшенка! Ребята, вставайте в очередь, вкусная горячая каша!

Очередь быстро пополняется, а Смайли встает рядом и режет хлеб крупными ломтями.

— Заболела? — спрашивает он, не глядя на меня.

— Что? — Я понимаю, что румянец никак не сойдет со щек. — А... Нет. Таксист далеко остановился, пришлось пробежаться на каблуках.

— М-м.

Смайли смотрит куда-то в сторону, и я слежу за его взглядом. Высокая фигура в черном пальто всё ещё стоит там, у выхода из парка, словно не решаясь уйти.

— Хорошо выглядишь, — слышится тихий голос напарника. Смайли и так парень немногословный, а сегодня и по-давно.

— Всё нормально? — спрашиваю я, накладывая очередную порцию дымящейся каши.

— Затея. Тупая, — чеканит он в гневе, ноздри его расширены, кольцо в носу подрагивает, этакий разъярённый бык на арене.

— Не начинай.

Смайли качает головой, и через мгновение добавляет, по-

низив голос до тревожного шепота: — Не навори дел.

Искры упрёка вылетают из моих глаз.

— Я взрослая девочка, сама разберусь.

Перевожу взгляд обратно на парковую дорожку, но шатена уже и след простыл. Как назло, сегодня нас только двое: я и Смайли. Злюсь на себя за нахлынувший горячий порыв, мешающий думать о деле. Остаток ужина мы проводим в полном молчании.

Темнота стремительно окутала пространство. Я поднимаю лицо к свету фонаря и вижу, как снежинки кружатся в своем безмолвном танце.

— Красиво, не правда ли? — говорю я в пустоту.

— Согласен.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь. Передо мной стоит тот самый незнакомец из парка.

— Следите за мной? — нарочито обиженно выпаливаю я.

Мужчина неопределенно пожимает плечами:

— Отчасти.

Без лишней суеты он достает из-за спины два крафтовых стаканчика. Казалось, каждое движение у него на своём месте. В этом была манящая и сильная энергия, которую хотелось ощущать рядом.

— Зеленый чай или классический раф?

Я делаю шаг навстречу:

— Чай.

Он протягивает мне горячий картонный сосуд и сгибает руку в локте. Я принимаю приглашение и сразу же делаю глоток. Приятное тепло разливается по всему телу, прогоняя озноб.

Мы медленно шагаем по заснеженному тротуару. Огни ночного города мерцают особой, притягательной магией. Башенный ритм городской жизни уже спал, открывая дорогу

ночной романтике.

— Мне очень стыдно, что я вас толкнул. Торопился.

— Так торопились, что потом еще тратили время на наблюдение за мной? — Игриво подхватываю я.

Шатен улыбается, и на его щеках появляются милые ямочки Джоша Харнетта.

— Каюсь. Грешен, — шелестит его бархатный голос.

— Я Нина, кстати.

— Максим.

Проходя еще пару кварталов, я разглядываю новогодние ярко-красные вывески, подсвеченные неонами. Тишина между нами кажется привычной и комфортной. Невольно в голове проскальзывает воспоминание: мама и папа вечером всегда сидели на лоджии в огромных креслах-качалках. Мамины руки ловко орудовали спицами, а отец, надвинув круглые очки на нос, читал остросюжетный детектив. Они могли сидеть так часами, в полной тишине. Время от времени мама приносила чай в маленьких чашках на фарфоровых блю-

цах. Я снова делаю глоток, и мне вдруг кажется, что напиток из моего воспоминания пахнет точно так же, как этот дешёвый бумажный стаканчик.

— Вас подвезти?

Плавный баритон мягко возвращает меня в реальность. Только сейчас я замечаю, что рядом с нами по дороге медленно катится чёрный «Крузак».

Я останавливаюсь и встаю напротив Максима:

— Не сажусь к малознакомым дяденькам в машину.

Максим улыбается ещё шире:

— Это я-то дяденька?

Мы стоим посреди сонного города. Максим опускает голову, и через мгновение приподнимает её. Карие глаза с надеждой смотрят на меня исподлобья. В его взгляде промелькнуло что-то такое, от чего у меня всё замерло внутри.

— Уверена?

Я неловко киваю.

Максим медленно идёт к своей машине, открывает тяжёлую дверь, но замирает. Его взгляд скользит по моему телу.
— Ты очень красивая, Нина.

Когда машина скрылась за поворотом, я поймала себя на мысли, что запомнила каждую мелочь: милые ямочки на щеках, плавные, но уверенные движения, и этот тёплый взгляд орехово-карих глаз.

Арт-объект-багажные тележки.

Одинокий полутёмный коридор заброшенного вокзала сегодня пульсировал неоном и вспышками камер. Гул голосов метался под высокими сводами, отдаваясь эхом. В углу сиротливо замерла одна из старых багажных тележек - идеальный реквизит ушедшей эпохи. К ней небрежно прислонился молодой человек в синем спортивном блейзере с узнаваемым логотипом: всадник на лошади.

— Нина, дорогая, это просто невероятно... Я подошла ближе, и мы обменялись притворными воздушными поцелуями у щёк.

Мелькнула очередная вспышка. — Ещё раз, пожалуйста. Нина, встаньте плотнее к тележке. По команде фотографа я растянула губы в улыбке, рассчитанной на то, чтобы собрать как можно больше кликов.

Виртуальные полотна затопили пространство. Изображения людей, когда-то работавших на этом вокзале, проецировались на стены и потолок, превращая зал в динамичный экран. Резкие тени плясали по лицам многочисленных зрителей. Тяжёлый запах металлической стружки и старой пыли ударил в ноздри - безупречная работа ольфакторных эффектов.

— Спасибо, — кивнула я фотографу и направилась вдоль

коридора.

Ксения стояла напротив одного из экранов, уткнувшись в телефон. Ловкий свайп по стеклу, и статичное полотно ожило, дополняя данными из оцифрованных архивов.

— А мы постарались, да? — Я легонько ткнула подругу локтем в бок.

— Угу... — Она наконец оторвалась от смартфона и кивнула мне за спину.

Я обернулась. Богемная дама оживлённо беседовала с представителями прессы. На ней был шерстяной пиджак цвета терракота, чёрные кожаные брюки, заправленные в высокие сапоги, напоминающие обувь для верховой езды. Образ дополняла миниатюрная сумка-багет оттенка шафрана. Уверенным шагом я двинулась к ней, перехватив по пути бокал игристого. Едва мои пальцы коснулись тонкого стекла, стало ясно: шампанское покрылось ледяной коркой. Пришлось вернуть бокал на место. Что ж, идеальных проектов не бывает.

— Вы проделали огромную работу, Нина, — произнесла она своим бархатным голосом. — Идея вывести архивные фотографии на экраны меня искренне обескуражила. Это действительно ценно. — Благодарю. — Меня распирало от гордости, но я лишь крепче сцепила руки за спиной, боясь ляпнуть лишнего на эмоциях.

Взгляд Галины Александровны остановился на старой черно-белой фотографии строителей.

— Я прочла историю о вашем отце... Полагаю, это здание значит для вас гораздо больше, чем просто ветхие стены.

Мой взгляд заледенел. Я промолчала.

— Что ж, я даю вам зелёный свет. Спасибо, что не прошли мимо. — Вся её напускная божественность испарилась, уступив место неподдельному, почти хищному интересу.

Я шумно выдохнула: — Спасибо.

Губы уже приоткрылись, чтобы добавить что-то ещё, но Галина натянула привычную маску безразличия, едва слышав щелчок камеры за спиной. Кадр вышел нарочито небрежным, случайным, но я была готова поклясться: парнишка-фотограф всё это время так и стоял за нашими спинами и терпеливо выжидал, чтобы украдкой снять нашу незапную уязвимость.

Когда фотограф растворяется в пульсирующем неоне, в углу приосанивается молодой человек. Его зелёные глаза отчаянно ищут островок уединения. Потёртый тёмно-синий пиджак сидит на широких плечах безупречно, рукава закатаны до локтей, обнажая татуировку - змею с разинутой пастью.

— Смайли, ты пришёл!

Я быстро подхожу к нему и обнимаю друга за шею. Несколько гостей брезгливо озираются на нас. Фотограф, почуввав кровь, устремляется следом в поисках провокационного кадра.

— Атмосферно здесь, — цедит он сквозь зубы. Раздаётся

очередной щелчок камеры. Я хватаю Смайли за руку и тащу его прочь из зала - подальше от слепящего неона и вездесущих объективов, на холодный воздух улицы.

— Правда, молодец, куколка. Сердце невольно пропускает удар. Последний раз он называл меня так во времена своей зависимости. Я поёживаюсь, но списываю внезапный щемящее чувство на порыв ледяного ветра.

— А ты молодец, что выбрался.

Смайли всегда был одиночкой. Загадочный, немногословный принц со школьной скамьи. Умный, прилежный мальчик, который в один миг разочаровался в мире и надел маску чёрствого нигилиста. Жаль, что наши пути разошлись. Ведь я могла бы... Моя мысль обрывается, когда я чувствую тёплое прикосновение длинных пальцев: Смайли тихонько дёргает меня за прядь волос.

Снег падал неторопливо, словно само время решило замедлить ход. Крупные хлопья кружились в свете уличных фонарей, неспешно опускаясь на землю и укрывая мокрый асфальт чистым белым полотном.

На лицо Смайли легла тень робкой надежды. Казалось, даже город затаил дыхание, боясь спугнуть этот хрупкий момент, но зелёные глаза уже скользнули вниз, упершись в грязную кашину у бордюра.

— Мне пора, — сказал друг и лёгкой, пружинистой походкой скрылся в снежной пелене.

Печенье в форме ёлочки.

Этой ночью мне так и не удаётся уснуть. Вина за невзначай брошенный намёк острой иглой кольнула душу. Я вскакиваю с кровати, натягиваю чёрные джинсы клёш, кеды с тремя полосками и шерстяное пальто - прямо поверх пижамной рубашки с котиками. Сую в сумку папин шарф. Щёлкает замок, минуя ступени, я оказываюсь на улице. Свежий зимний воздух спасительно касается разгорячённого лица.

Прогулочным шагом просто иду вперёд. Ночь сегодня тихая. Надо обязательно поговорить со Смайли... Расставить все точки над «i». Хотя точка была выставлена ещё после выпуска, тогда это был даже жирный восклицательный знак...

— Нина!

Мои мысли обрываются. Я оглядываюсь на плавный баритон.

— Надеялся, что именно здесь увижу тебя.

Озираясь по сторонам, понимаю, что ноги сами принесли меня к столовой.

— Ты случайно не вампир?

— А ты? — Лукаво улыбается Максим и замирает, будто прислушиваясь к тишине, а затем театрально приподнимает бровь и склоняет голову набок. С лёгким хлопком распаивает подол своего длинного пальто, эффектно крутится на пятках и застывает. — Марррришка... — Весело шипит он,

обнажая зубы.

Я прыскаю смехом - громко и звонко.

— Ты просто невозможен. — Сквозь хохот я одариваю мнимого Дракулу аплодисментами. Максим картинно кланяется, явно довольный своей игрой.

— Что ж, я тебя рассмешил... Какой там следующий шаг к сердцу холодной красавицы?

— Эммм... — Я кокетливо пожимаю плечами.

— Знаю, знаю! Накормить! — Весело выпаливает он. — Идём!

— Сразу с козырей зашёл.

Максим легонько сжимает мою ладонь, но едва уловимое прикосновение внезапно прошивает тело электрическим разрядом. Его рука тёплая и мягкая. Он оглядывается, и на его щеках появляются уже знакомые милые ямочки.

Доносится пряный аромат корицы, впереди загорается вывеска, подсвеченная разноцветными огоньками: «Сладкие булочки Натали».

Да они просто боги маркетинга.

Максим подходит к окошку и весело болтает с молоденькой брюнеткой-продавцом. Её лицо сияет, пока она заворачивает крафтовый пакет. Я замечаю, как девушка быстро суёт внутрь сложенный вдвое листок. Не номер ли телефона? Грациозной походкой он возвращается ко мне. В его глазах отражается тусклый свет гирлянд, и наши взгляды на мгновение встречаются. Он протягивает открытый пакет. Я до-

стаю печенье в форме ёлочки. Оно оказывается рассыпчатым и чуть вязким; плотная сахарная корочка ломается на зубах, открывая мягкое маслянистое тесто.

Максим выразительно смотрит на меня с лёгкой улыбкой, и его язык касается верхней губы, убирая назойливую крошку. Я глотаю пересохшим горлом и вливаюсь в его губы жадным поцелуем. Лёгкая горчинка гвоздики на его губах не даёт сладости стать приторной, а едва уловимая цитрусовая искорка добавляет свежести. Медленно отстранившись, я чувствую на языке крошечные крупинки сахара, а на губах - ощущение горящего камина в новогоднюю ночь.

— Если печенье-ёлочка всегда действует на тебя так, я готов покупать его тоннами. — Заговорщицкая улыбка кота Бегемота появляется на лице Максима, и он снова целует меня. На этот раз поцелуй выходит нежным, почти невесомым. Крафтовый пакет падает из его руки, и обе мужские ладони оказываются на моём лице. Казалось, время остановилось, мир вращается только вокруг нас двоих, и я чувствую единственный вкус - тёплую пряность корицы и острый оттенок имбиря. Но увы, время беспощадно, даже этот миг закончился.

Максим отстраняется, но продолжает разглядывать моё лицо, словно хочет запомнить каждую черточку.

— И холодная красавица немного оттаяла...

— Каков будет следующий шаг, рыцарь в сияющих доспехах?

— Посозерцаем огни большого города?

Максим приобнимает меня за талию, и мы медленно идём по тротуару.

— Сегодня я освободился от звания «незнакомый дяденька» и завоевал титул рыцаря в сияющих доспехах... Да я просто счастливчик!

— Не льсти себе, всему виной новогоднее печенье.

Он порывисто целует меня в макушку и картинно вздыхает: — Эх, жалко. Но поскольку я борюсь за твоё сердце, готов пригласить тебя туда, где подают не только печеньки.

Я достаю из сумки папин старый шарф и укрываю плечи. — Это куда же?

— Совершенно случайно у моего друга дома есть огромный проектор, а я бы прихватил китайской еды, — Максим обнимает меня крепче, попутно строча кому-то сообщение, — снеков... Или знаешь, холодная красавица, — он просовывает мою руку себе в карман и накрывает своей ладонью, — я просто искусно жарю яичницу.

— О, я обожаю яичницу. — Кажется, завтра утром мышцы моего лица будут болеть от такого количества улыбок.

Рядом из ниоткуда вырастает чёрный «Крузак», и мы останавливаемся.

— Ваша свита, господин рыцарь.

— Не окажете ли мне честь, холодная красавица? — Максим подходит к машине и открывает заднюю дверь.

Я сажусь на кожаное кресло. В зеркале заднего вида на

меня смотрят суровые глаза, бритая голова и безупречный костюм.

— Личный водитель? Да кто же вы, мистер Брукс?

— Нет, Нина, я не скрываю жестокого убийцу за фасадом идеального мужа и заботливого отца. — Максим кивает брату тому мужчине, усаживаясь рядом. — Это Фёдор, и да, он мой личный водитель. Фёдор — это Нина, моя холодная красавица. Фёдор отвечает такой кивок, что по телу пробегают холода.

— Тогда кто же ты? Сын президента? — мягко, но настойчиво спрашиваю я.

— Мне больше нравилось, когда я был рыцарем. Давай не будем вешать ярлыки. Куда тебя отвезти? Я называю адрес и, статус *моё* приятно греет слух, вынуждая перевести тему:

— Нравятся тёмные истории?

— Тёмные истории всегда интереснее добрых и светлых.

Голова сама собой опускается на сильное мужское плечо. — И чем же? — Сонно бормочу я.

— Вот смотри, — Максим берёт мою руку и начинает загибать пальцы, — возьмём недавно вышедшую историю одной молодой писательницы. Первая причина - в ней есть динамика: сёстры-ведьмы, упыри, очаровательный князь с омерзительной тайной, и сама героиня -отважна и решительна... Слова Максима отдаляются, и сознание неумолимо погружается в царство Морфея.

Я просыпаюсь, шурша мягкой простынёй, и обнаруживаю

себя в собственной кровати. Оглядываюсь - куртка аккуратно висит на вешалке. Провожу руками по телу: шёлк пижамной рубашки ласкает кожу. Смутно припоминаю, что заснула в машине Максима, а значит... Он нёс меня на руках? Как узнал номер квартиры? Я бормотала во сне?

С кухни доносится притягательный аромат жареного хлеба и яичницы, желудок громко даёт о себе знать. Я поднимаюсь с постели и плетусь в сторону кухни. Тёплый свет из окна ложится на плечи Максима, подчёркивая их ширину. Белый свитшот, чёрные джинсы, чуть зауженные к низу, винтажные часы на широком ремешке. Каждое его движение точно, почти танцевальное: выключил конфорку, снял сковороду с плиты, лопаткой подцепил хлеб.

— Я чувствую твой пристальный взгляд, Нина, — с улыбкой говорит он, и ароматной едой одним движением оказывается на столе.

Я подхожу к нему вплотную, целую в губы. Руки сами скользят под свитшот, шаря по сильной спине.

— Нина, притормози. — Мягко отстранившись, Максим усаживает меня на стул и разливает кофе по чашкам.

— Сначала раздел, теперь динамишь... — обиженно выпаливаю я, но понимаю, что перебарщиваю, и переключаюсь на тост. — Вкусно.

Максим делает глоток дымящегося кофе и с интересом наблюдает, как я поглощаю хлеб. — Я... — виновато начинает он, но я перебиваю:

— Не надо, Максим. Ты и правда рыцарь... а я чуть всё не испортила.

Колкой вспышкой мелькает образ отца: раннее выходное утро, умелые сильные руки разливают тесто на раскалённую сковороду, масло скворчит. Я на руках у мамы. Тёплая улыбка касается её полных губ...

— Притихла.

Воспоминание дымкой растворяется в солнечных лучах. Я пытаюсь улыбнуться, но выходит криво. Максим подходит ко мне и целомудренно целует в лоб.

— Мне пора. Как насчёт кинопоказа сегодня вечером?

Я киваю. — Я приду.

— Отлично. Снова поцелуй в лоб, и его высокая фигура скрывается в коридоре.

— Милая пижамка. — Весело бросает он через плечо. Слышу, как открывается входная дверь.

Я плетусь следом шаркающей походкой, мысленно ругая себя за распутный порыв, но в дверном проёме замечаю синий кед. Сутулившись, поджарый парень сидит в углу лестничной клетки. На нём всё ещё тот самый пиджак с арт-показа. Голова наклонена, рука нервно ерошит волосы.

— А я ведь извиниться хотел, Нина. — Горько шепчет Смайли.

— Тебе не за что извиняться, Егор.

— Как и тебе, да? — Его рука замирает, пальцы сжимаются в кулак.

— Зайди в квартиру. Здесь поговорим.

Смайли вскакивает. Взгляд становится злее обычного, но я делаю шаг в сторону, пропуская его.

— Нет уж, спасибо. У тебя там какой-то проходной двор.

— Не надо так, мы ведь уже...

— Что уже? — Вспыхивает он. — Уже никто друг другу? Перевернутая глава? — Смайли отводит взгляд, но его ладонь резко ложится на мою щеку. — Ты ведь была для меня всем, Нина. Моей тихой гаванью. — Его рука рассекает воздух, будто он обжёгся о мою кожу.

Я молчу, тяжело дыша. Внезапная вспышка злости охватывает меня.

Смайли резко выбегает и несётся вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки. Внутри меня что-то надламывается - тихо и окончательно, как сухая ветка. Босиком бегу следом, не в силах сдержать ярость. Холодный зимний воздух обжигает лицо, мой голос обрывается в крик:

— Никакой гаванью я тебе не была, Смайли! Ты принимал, забросил учёбу, лишился дома, а я отчаянно пыталась тебя спасти. Я не спала ночами рядом с твоей больничной койкой, не могла спокойно учиться, потому что ты, видите ли, стал выше этого! Ты только забирал, но никогда не давал!

Горький ком недосказанности наконец падает и катится далеко за пределы моей души.

Высокая поджарая фигура резко останавливается, и в два шага Смайли оказывается передо мной. Внезапно время

словно замедляется: рука Смайли замахивается для удара, но её перехватывает широкая ладонь. Орехово-карие глаза превращаются в чёрные, лёгкая озорная улыбка сменяется оскалом зверя. Все черты лица Максима становятся будто высеченными из камня. Дикий взгляд испепеляет, но Смайли вырывает руку и сплёвывает прямо под ноги Максима.

— Гнилые... — Злые слова слетают с его губ, и он исчезает в белом морозном мареве.

— Ты цела?

Я быстро киваю.

Взгляд Максима падает на мои босые ноги, и он подхватывает меня на руки.

T

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.